

ЗВЕЗДЫ МИРОВОГО ДЕТЕКТИВА

Жан-Кристоф Гранже

Полет аистов

Багровые реки

Братство камня

Империя Волков

Присягнувшие тьме

Мизерере

Лес мертвецов

Кайкен

Пассажир

Черная линия

ЖАН-КРИСТОФ
ГРАНЖЕ

БАГРОВЫЕ РЕКИ

Санкт-Петербург

УДК 821.133.1
ББК 84(4Фра)-44
Г 77

Jean-Cristophe Grangé
LES RIVIERES POURPRES
Copyright © Editions Albin Michel S. A. — Paris 1998

Перевод с французского Ирины Волевич
Серийное оформление Вадима Пожидаева
Оформление обложки Ильи Кучмы

Ранее роман выходил под названием «Пурпурные реки».

ISBN 978-5-389-06868-1

© И. Я. Волевич, перевод, 2008
© Издание на русском языке,
оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2013
Издательство АЗБУКА®

«Ga-na-mos! Ga-na-mos!»¹

Пьер Ньеман, судорожно сжимая рацию, глядел сверху на толпу, спускавшуюся по бетонным ступеням Парк-де-Пренс². Тысячи разгоряченных лиц, светлых бейсболок и вызывающе ярких шарфов текли вниз буйным пестрым потоком. Словно вихрь конфетти. Словно легионы обезумевших демонов. И все тот же неумолчный вопль в три пронзительные тягучие ноты: «Ga-na-mos!»

Ньеман, стоявший на крыше начальной школы, напротив стадиона, отдал по рации приказ третьей и четвертой бригадам РСБ³. Полицейские в темно-синих мундирах и черных касках споро занимали позиции, прикрываясь пластиковыми щитами.

Классический метод. По две сотни человек у каждого выхода со стадиона плюс заслон из эрэсбэшников, чья задача — не позволить фанатам команд-соперниц столкнуться, сойтись или даже заметить друг друга...

Нынче вечером, по случаю матча «Сарагоса» — «Арсенал», единственной игры в этом году, когда в Париже за победу боролись две нефранцузские команды, на стадион прислали более тысячи четырехсот полицейских.

¹ Победа! (исп.)

² Парк-де-Пренс — стадион в Париже. (Здесь и далее примеч. перев.)

³ РСБ — Республиканские силы безопасности во Франции.

Проверка документов, личный досмотр и охрана сорока тысяч болельщиков, приехавших из обеих стран. Старший комиссар полиции Пьер Ньеман был в числе ответственных за данное мероприятие. Подобные операции не входили в его обязанности, но этот полицейский со стрижкой ежиком любил такие «разминки». Надзор и лобовые столкновения. Без протоколов и другой процедурной тягомотины. В каком-то смысле это отсутствие формальностей грело ему душу. И потом, ему нравился боевой дух, спланивавший в такие минуты его «армию на марше».

Первые ряды болельщиков уже спустились до нижней площадки, их можно было видеть между бетонными опорами стадиона, над выходами Н и G. Ньеман бросил взгляд на часы. Еще четыре минуты — и толпа, оказавшись снаружи, вырвется на шоссе. Вот когда возникнет опасность встреч, стычек и драк. Полицейский набрал побольше воздуха в грудь. Октябрьская ночь дышала угрозой.

Две минуты. Ньеман машинально обернулся и увидел вдаль площадь Порт-Сен-Клу. Абсолютно пустую. Лишь белые водяные снопы трех фонтанов маячили в темноте, точно символы тревоги. Вдоль проспекта вереницей стояли автобусы РСБ. Рядом бродили, разминаясь, люди с касками у пояса и дубинками на боку. Резервные бригады.

И вот началось. Сперва послышался ропот: толпа угодила в проход между решетками с остроконечными прутьями. Ньеман невольно улыбнулся. Именно за этим он сюда и пришел. Болельщики бурно выражали свое недовольство. Пронзительные звуки труб перекрывали людской гомон, от адского шума дрожали бетонные трибуны. «Ga-na-mos! Ga-na-mos!» Ньеман включил передатчик и связался с командиром восточной роты Жоакеном: «Говорит Ньеман. Они выходят. Гоните их к автобусам, к бульвару Мюрата, стоянкам и входам в метро!»

С крыши здания полицейский легко мог оценить ситуацию: с этой стороны риск беспорядков был минимальный. Сегодня вечером выиграли испанцы — значит, их

фанаты представляют наименьшую опасность. Английские болельщики сейчас выходили с противоположного конца стадиона, через двери А и К, у Булонской трибуны, сильно напоминая скопище диких зверей. Ньеман собирался спуститься туда, как только операция войдет в решающую фазу.

Внезапно над толпой, в свете уличных фонарей, блеснула запущенная кем-то бутылка. Ньеман увидел, как взметнулась полицейская дубинка; тесные ряды дрогнули и отступили, люди начали падать в давке. Он яростно выкрикнул в рацию: «Жоакен, мать вашу! Сдержите своих людей!»

Он кинулся к лестнице и кубарем скатился вниз с восьмого этажа. Когда он выбежал на проспект, две колонны эрэсбэшников уже мчались к толпе, готовые усмирить разбушевавшихся хулиганов. Ньеман бросился наперерез, размахивая руками и пытаясь остановить их. Дубинки уже мелькали в нескольких метрах от его лица, как вдруг справа возник Жоакен в закрытом шлеме. Подняв козырек, он яростно взглянул на комиссара:

— Господи боже, Ньеман, вы что, совсем спятили? Вы же в штатском, из вас сейчас отбивную сделают!..

Но комиссар словно не слышал его.

— Какого черта вы выпустили своих людей, Жоакен? Немедленно отведите их назад, иначе через три минуты здесь будет бойня.

Капитан Жоакен, краснолицый толстяк, сердито пыхтел. Его тоненькие усики в стиле Belle Epoque подрагивали в такт прерывистому дыханию. Из рации донеслось: «Всем... всем... всем отрядам... Булонский поворот... Улица Майора Гильбо... Скорее сюда!.. У нас проблемы!» Ньеман бросил на Жоакена злой взгляд, как будто тот был единственным виновником этого вселенского хаоса. Его пальцы до боли стиснули передатчик. «Говорит Ньеман. Сейчас подойдем». И он приказал капитану, уже чуть спокойнее:

— Я пойду, а вы пришлите туда как можно больше людей. И наведите здесь порядок.

Не дожидаясь ответа, комиссар пустился на поиски стажера, служившего ему водителем. Он пулей промчался через площадь, успев краем глаза заметить вдали официантов «Кафе де Пренс», торопливо опускавших металлические жалюзи. В воздухе витал страх.

Наконец он углядел низенького брюнета в кожаной куртке, топтавшегося возле черного седана. Грохнув кулаком по капоту, Ньеман взревел:

— Живо к Булонской трибуне!

Миг спустя оба сидели в машине. Автомобиль рванул с места так, что взвизгнули колеса. Стажер свернул налево: по шоссе, освобожденному для сил безопасности, можно было скорее проехать к выходу К. Но тут Ньемана осенило.

— Нет, — выдохнул он, — давай назад, они наверняка пойдут нам навстречу.

Машина резко развернулась, подняв фонтаны воды из луж, оставленных готовыми к атаке водометами, и вихрем понеслась вдоль авеню Парк-де-Пренс по узкому коридору между серыми полицейскими автобусами. Люди в касках, бежавшие в том же направлении, не глядя расступались и пропускали ее. Ньеман прилепил на крышу мигалку. Стажер лихо свернул влево перед лицеем Клода Бернара и снова сделал разворот, чтобы подъехать к третьему выходу со стадиона. Они миновали Отейскую трибуну. Заметив в воздухе первые облачка слезоточивого газа, Ньеман понял, что был прав: сражение шло уже на площади Европы.

Автомобиль врезался в белесую хмарь слезоточивого газа, едва не раздавив первых пострадавших, опрометью бегущих с поля битвы. Схватка, видимо, началась как раз напротив президентской трибуны. Мужчины в галстуках, женщины в сверкающих драгоценностях бежали, шатаясь и кашляя, по их лицам текли слезы. Одни искали укрытия во дворах и подъездах, другие, наоборот, взбирались наверх по лестницам стадиона.

Ньеман выскочил из машины. На площади уже дрались свирепо, не на шутку. В груди сцепившихся тел мель-

кали вызывающе яркие «розетки»¹ английских болельщиков попеременно с темными силуэтами эрэсбэшников. Некоторые из бойцов уже ползли по асфальту, словно окровавленные слизняки; другие топтались поодаль, не решаясь пустить в ход ружья с пластиковыми пулями из страха задеть своих раненых товарищей.

Комиссар снял очки и обвязал лицо шарфом. Подбежав к ближайшему эрэсбэшнику, он вырвал у него из рук дубинку и одновременно ткнул ему в лицо свое трехцветное удостоверение. Тот растерянно крутил головой: газовое облако заволокло прозрачное забрало его шлема.

Пьер Ньеман бросился к дерущимся. Болельщики «Арсенала» пускали в ход кулаки, прутья, кованые бутсы; эрэсбэшники защищались, отступая под их натиском и пытаясь вызволить своих поверженных наземь собратьев. Дубинки вовсю «прессовали» собравшихся, но были бессильны остановить бешеную схватку.

Офицер ворвался в гущу толпы.

Он бил направо и налево, кулаком и дубинкой. Свалил с ног какого-то верзилу и «вырубил» его серией прямых ударов. По ребрам, в пах, в лицо. Тут же успел отбить ногой удар, грозивший ему сбоку, и, выпрямившись, с диким криком едва не сломал дубинку о шею нападавшего. Кровь бросилась ему в голову, во рту стоял странный металлический привкус. Он больше не думал, не чувствовал боли. Он помнил только одно: это война и перед ним враги.

Вдруг в сотне метров от себя он заметил странную сцену. Человек в штатском, явно раненный, из последних сил отбивался от двух державших его хулиганов. Ньеман сразу заметил струйки крови на лице несчастного, жестокие удары его истязателей, их перекошенные ненавистью черты. Он тут же все понял: значки на куртках парней и на одежде их жертвы принадлежали разным клубам.

Все ясно: сведение счетов.

¹ «Розетка» — шарф или шейный платок болельщика с цветами его команды.

Именно в этот миг избиваемый вырвался из рук своих палачей и побежал в сторону боковой улицы Нунжесер-э-Коли. Те бросились за ним. Ньеман отшвырнул дубинку, растолкал людей и пустился в погоню.

Началось преследование.

Ньеман бежал, мерно дыша и уверенно нагоняя парней, которые уже почти настигли свою жертву на тихой безлюдной улице.

Все четверо свернули вправо и через несколько минут оказались у бассейна «Молитор», наглухо закрытого в этот поздний час. Здесь-то негодяи и схватили свою добычу. Ньеман добежал до площади Порт-Молитор, под которой проходил кольцевой бульвар, и... не поверил своим глазам: один из нападавших выхватил нож.

В синеватом свете фонарей Ньеман различил, как блестящее лезвие несколько раз вонзилось в человека, который корчился на мостовой, вздрагивая при каждом ударе. Нападавшие подняли тело и швырнули его вниз, через барьер, на шоссе.

— НЕТ!— взревел полицейский и выхватил револьвер. Опершись на капот ближайшей машины и придерживая правую руку левой, он затаил дыхание и прицелился. Первый выстрел. Мимо. Убийца с ножом изумленно обернулся. Второй выстрел. Опять промах.

Сунув револьвер на взводе в кобуру, Ньеман кинулся в погоню. Его трясло от ярости: дважды промазать оттого, что не успел надеть очки! Наконец он добежал до моста. Человек с ножом уже скрылся в кустах, росших вдоль кольцевого бульвара. Его сообщник от растерянности застыл на месте. Полицейский свалил его с ног ударом рукоятки револьвера в шею, дотащил за волосы до ближайшего столба и приковал к нему наручниками. Только после этого он перегнулся через барьер и взглянул вниз.

Тело убитого рухнуло сверху на шоссе, и несколько машин, не успев сбавить скорость, промчались по нему, прежде чем движение захлебнулось в гигантской хаотической пробке. Машины сталкивались, разбивались одна

о другую, оглашая окрестности тоскливым воем клаксонов. В свете фар Ньеман заметил, как один из водителей беспомощно топчется около автомобиля, закрывая руками окровавленное лицо.

Комиссар обернулся и увидел мелькнувшую в кустах цветную нарукавную повязку убийцы, который, видимо, решил скрыться в густой листве. Вытаскивая на бегу револьвер, Ньеман кинулся следом.

Петляя между деревьями, убийца то и дело оглядывался на полицейского. Но тот и не думал прятаться: пускай мерзавец знает, что старший комиссар Пьер Ньеман сейчас вынет из него душу. Внезапно преступник скрылся за каким-то пригорком. Шум шагов и скрип гравия подсказали Ньеману направление его бегства — Отейский парк.

Серые бульжники парка слабо поблескивали в ночной тьме. Пробегая мимо оранжерей, Ньеман увидел впереди силуэт, перемахнувший через стену. Он последовал за ним и оказался на кортах Ролан-Гарроса.

Решетчатые дверцы были не заперты, и убийца беспрепятственно перебежал с корта на корт. Ньеман распахнул одну из дверей, влетел на красную площадку и перепрыгнул через первую сетку. Парень, оторвавшийся от него метров на пятьдесят, уже обнаруживал признаки усталости. Он едва одолел очередную сетку и начал взбираться по лестнице между трибунами. Его преследователь, напротив, мчался вверх легко и свободно, лишь чуточку запыхавшись.

Он был уже в нескольких метрах от беглеца, как вдруг тот, достигнув последних ступеней, бросился вниз, в пустоту.

Он спрыгнул на крышу соседнего дома и вмиг исчез из виду, соскользнув с нее вниз. Комиссар отступил на шаг и, прыгнув в свою очередь, приземлился на засыпанную гравием площадку. Вокруг деревья, лужайки, мертвая тишина.

И никаких следов убийцы.

У него было два возможных прибежища — главное здание, с крыши которого он только что соскочил, и большое деревянное строение в глубине сада. Вытащив из кобуры свой MR-73, Ньеман толкнул спиной дверь позади себя. Дверь свободно открылась.

Комиссар шагнул внутрь и застыл от удивления. Перед ним был просторный холл, отделанный мрамором, с круглым каменным возвышением в центре, покрытым неведомыми письменами. На верхние этажи вела лестница с золочеными перилами. В полумраке сочно рдели пурпурные бархатные драпировки, блестели роскошные вазы... Ньеман понял, что угодил в какое-то азиатское посольство. Вдруг снаружи раздался шорох. Значит, убийца в другом здании. Полицейский бегом пересек сад прямо по газону и подобрался к деревянному строению. Дверь еще раскачивалась на петлях. Он бесшумно скользнул внутрь, и вдруг полутьма обернулась волшебным видением: это была конюшня, разделенная на красивые, чистенькие стойла, откуда на него глядели низкорослые лошадки с подстриженными гривами.

Нервно вздрагивающие крупы. Шуршание соломы. Пьер Ньеман крался на цыпочках, крепко сжимая револьвер. Один бокс, второй, третий... Справа слышался глухой звук. Полицейский резко обернулся. Нет, это просто стукнуло копыто. Легкий шум слева. Он повернул голову, но было слишком поздно. Нож уже взлетел и опустился. Ньеман успел отскочить в последний миг. Лезвие чиркнуло по его плечу и вонзилось в круп коня. Тот среагировал молниеносно: копыто с железной подковой мощным ударом раздробило лицо убийцы. Полицейский воспользовался моментом: бросившись к нападавшему, он ударил его по голове рукояткой револьвера.

В неистовстве он бил и бил, пока наконец не остановился, глядя на обезображенное лицо преступника. Оно превратилось в сплошное месиво с торчащими наружу осколками костей; выбитый глаз свисал из орбиты на спутанных жилках. Убийца не шевелился; на голове у него по-прежнему красовалась бейсболка с цветами «Арсе-

нала». Ньеман сжал окровавленное оружие обеими руками и сунул ствол в разбитый рот негодяя. Он взвел курок и закрыл глаза. Он уже приготовился выстрелить... но в этот миг откуда-то снизу послышался пронзительный писк.

Это звонил у него в кармане мобильный телефон.

2

Здание Центрального управления уголовной полиции Министерства внутренних дел тянулось вдоль одной из слишком новых и слишком симметричных улиц квартала Нантерской префектуры. Три часа спустя после описанных событий в его окнах еще теплился слабый свет. Это горела стоявшая низко, почти вровень со столом, лампа в кабинете Антуана Реймса; сам он сидел в полумраке. Напротив него, по другую сторону светового круга, вырисовывался мощный силуэт Пьера Ньемана. Только что он коротко изложил содержание своего рапорта о недавней схватке на площади Порт-Молитор.

Реймс скептически спросил:

— И как теперь этот тип?

— Англичанин? В коме. Множественные переломы костей лица. Я звонил в Отель-Дьё: врачи пытаются сделать ему пересадку кожи.

— А его жертва?

— Раздавлена машинами на кольцевой, возле Порт-Молитор.

— Господи боже! Что все-таки произошло?

— Сведение счетов между хулиганами. Среди болельщиков «Арсенала» были люди из клуба «Челси». Во время драки пара бандитов исполосовала своего оппонента ножом.

Реймс недоверчиво качнул головой. Помолчав с минуту, он спросил:

— Ну а этот твой «оппонент»? Ты уверен, что все дело в ударе копытом?

Ньеман, не отвечая, повернулся к окну. Мертвенно-бледная луна разрисовала странными узорами фасады соседних домов; над темно-зелеными холмами Нантерского парка плыли не то облака, не то радуги. Реймс продолжал:

— Никак не пойму тебя, Пьер. Зачем ты вяizzlyваешься в подобные истории? Надзор за порядком на стадионе — вот и все, что от тебя требовалось, а ты...

Он умолк. Ньеман не реагировал.

— Тебе уже такие выходы не по возрасту, — снова заговорил Реймс. — Да и не твоя это компетенция. В нашем договоре ясно сказано: никаких столкновений, никаких актов насилия...

Круто развернувшись, Ньеман надвинулся на своего шефа:

— Давай ближе к делу, Антуан. Зачем ты вызвал меня среди ночи? Когда ты позвонил, ты еще ничего не знал об истории в парке. Так что тебе надо?

Реймс не двигался. Широкие плечи, курчавые сидящие волосы, грубый профиль. Внешность старого морского волка. Вот уже несколько лет дивизионный комиссар возглавлял Центральный отдел по борьбе с насилием над людьми — ЦОБННЛ; эта сложная аббревиатура означала на самом деле высшую инстанцию полиции нравов. Ньеман знал Реймса много лет, прежде чем тот заступил на эту административную должность; в молодости оба они были простыми сыщиками, ловкими, умелыми сыщиками, в любую погоду, и в дождь и в снег, ловившими преступников на улицах. Полицейский со стрижкой ежиком подался вперед и спросил еще раз:

— Так что же?

Реймс вздохнул:

— Да тут одно убийство...

— В Париже?

— Нет, в Герноне, департамент Изер, возле Гренобля. Это университетский городок.

Ньеман схватил стул и сел напротив дивизионного комиссара.

— Я слушаю.

— Тело нашли вчера в конце дня. Оно было засунуто в расселину скалы над рекой, огибающей кампус¹. Очень похоже, что действовал маньяк.

— Кто убит? Женщина?

— Нет. Мужчина. Молодой парень. Кажется, университетский библиотекарь. Раздет донага. На теле следы пыток — ножевые раны, разрывы, ожоги... и еще, кажется, следы удушения...

Ньеман облокотился о стол и начал двигать взад-вперед пепельницу.

— Зачем ты мне все это рассказываешь?

— Затем, что я хочу направить тебя туда.

— Еще чего! Расследовать убийство? Да парни из гребнобльской уголовки через неделю возьмут этого подонка...

— Пьер, не валяй дурака. Ты прекрасно знаешь, что эти дела так просто не делаются. Никогда. Я говорил со следователем. Он просил прислать опытного специалиста.

— Специалиста по чему?

— По убийствам. И по нравам. Он подозревает сексуальный мотив. Ну, в общем, что-то в этом роде.

Ньеман нагнулся к свету и тотчас ощутил на лице жар от мощной лампы.

— Антуан, ты чего-то недоговариваешь.

— Следователя зовут Бернар Терпант. Он мой старый приятель. Мы с ним земляки, оба из Пиренеев. Он просто в шоке, ясно тебе? И он хочет распутать это как можно скорее. Избежать шума, прессы, всего этого дерьма. Через несколько недель начало учебного года; нужно кончить расследование до этого. В общем, что тебе объяснять...

Старший комиссар встал и снова шагнул к окну. Он мрачно уставился на светящиеся точки фонарей и темную листву парка. Перед его глазами еще стояли жестокие

¹ Кампус — университетский городок.

сцены последних часов — удары ножа, кольцевой бульвар, погоня за преступником на кортах Ролан-Гарроса. В сотый раз он подумал о том, что звонок Реймса не дал ему убить человека. И еще о том, что эти приступы необузданной ярости, лишавшие его рассудка и доводившие до полного безумия, грозили самым худшим.

— Ну так как? — спросил Реймс.

Ньеман обернулся:

— Я уже года четыре как не занимаюсь такими делами. Почему все-таки ты предлагаешь мне это расследование?

— Мне нужен опытный человек. Ты же знаешь, что в центральной конторе не замедлят послать туда своего человека, на результат им наплевать. — Его грубые пальцы забарабанили по столу. — Так что я пользуюсь своей скромной властью.

Комиссар ухмыльнулся, сверкнув очками в железной оправе.

— Выпускаешь волка из логова?

— Да, выпускаю волка из логова. Для тебя это удобный случай проветрить мозги. Для меня — услуга, которую я оказываю старому приятелю. По крайней мере, за это время ты больше никому не своротишь морду на столу.

И Реймс схватил листки факса, блестящие под лампой на его столе.

— Вот первые выводы местных жандармов. Так берешься или нет?

Ньеман шагнул к столу и собрал еще теплые бумажные полосы, небрежно скомкав их.

— Я тебе позвоню. Хочу сперва узнать, что там в Отель-Дё.

Покинув улицу Труа-Фонтано, Ньеман вернулся к себе домой, в Девятый округ, на улицу Лабрюйера. Просторная, почти пустая квартира сияла любовно, по старинке, навоощенным паркетом. Он принял душ, обработал свои раны, впрочем не такие уж страшные, и взглянул в зерка-

ло. Костистое, морщинистое лицо. Седоватый блестящий ежик волос. Очки в металлической оправе. Ньеман довольно улыбнулся своему отражению. Не хотел бы он увидеть такую физиономию на темной улице.

Достав спортивную сумку, он бросил в нее кое-какую одежду, засунул между рубашками и носками помповое ружье «ремингтон» двенадцатого калибра, коробки с патронами и speed-loader¹ для своего «манюрена». Затем вынул из шкафа чехол и сложил в него два зимних костюма и несколько галстуков с затейливыми оранжевыми узорами.

По дороге к Порт-Шапель Ньеман остановился на бульваре Клиши, возле «Макдоналдса», открытого круглые сутки, и быстренько съел пару больших чизбургеров, не спуская глаз со своей машины, закрывшей выезд другим. Три часа ночи. В мертвенном свете неоновых ламп по грязному залу слонялись несколько призраков весьма знакомого вида. Негры в просторных развевающихся одеяниях. Проститутки с длинными, заплетенными на ямайский манер косичками. Наркоманы, бродяги, пьяницы. Все эти существа принадлежали к его былому миру сыщика — миру улицы, покинутому им ради кабинетной работы, почетной и хорошо оплачиваемой. Любой другой сыщик был бы несказанно рад попасть в центральную контору — еще бы, такое повышение! Для него же эта контора была клеткой — золоченой, конечно, но всего лишь клеткой, где он томился в неволе. Он снова взглянул на окружавших его ночных посетителей. Эти привидения были деревьями ЕГО леса, того самого, по которому он некогда крался бесшумной поступью охотника.

Ньеман стремительно мчался по шоссе, не выключая фар и не обращая внимания на полицейские радары и знаки ограничения скорости. В восемь утра он уже свернул на шоссе, ведущее к Греноблю. Миновав Сен-Мартен-д'Эр и Сен-Мартен-д'Юрьяж, он взял курс на Гернон, расположенный у подножия Большого Пика Белладонны.

¹ Обоймы для револьвера системы «манюрен», или MR (англ.).

Дорога петляла среди хвойных лесов и промышленных зон. Здесь царила мрачноватая атмосфера, свойственная любому захолустью, где красота природы не в силах скрыть безнадежную заброшенность.

Наконец комиссар заметил первые щиты, указывающие направление к университету. Вдали, в мягкой хмари пасмурного утра, вырисовывались зубчатые верхушки гор. На очередном вираже комиссар увидел в глубине долины университет — комплекс больших современных бетонных зданий в окружении длинных унылых лужаек. Ньеману представился туберкулезный санаторий, огромный, размером с небольшой город, — наверное, он выглядел бы точно так же.

Свернув с автострады, он поехал в сторону долины. На западном склоне горы он различил множество серебристых потоков, которые падали вниз, по пути переплетаясь между собой. Притормозив, Ньеман с легкой дрожью глядел, как эти ледяные реки, отвесно летящие сверху, то прятались в зарослях кустарника, то вырывались на свет божий непокорными ослепительно-белыми жгутами и вновь исчезали за листвой...

Полицейский решил сделать небольшой крюк. Он углубился под своды лиственниц и елей, мокрых от утренней росы, и вскоре выехал на длинную равнину, зажатую между высокими черными утесами.

Офицер затормозил, вышел из машины и достал бинокль. Он долго разглядывал местность, отыскивая неизвестно куда подевавшуюся реку. Внезапно он понял, что река, достигнув низа ложины, текла дальше как раз за этой чередой утесов. Теперь он даже мог увидеть ее в просветах между камнями.

Вдруг ему бросилась в глаза еще одна интересная деталь; он подкрутил колесико бинокля и взгляделся. Нет, ошибки быть не могло. Сев в машину, он на полной скорости погнал ее к долине. Минуту назад он увидел в промеж каменных глыб неизменный атрибут национальной жандармерии — желтую фосфоресцирующую ленту с надписью:

ПРОХОД ЗАПРЕЩЕН

Ньеман попытался съехать к проходу в скалах по узкой извилистой дорожке. Но вскоре ему пришлось остановиться — седан дальше пройти не мог. Выйдя из машины, комиссар нырнул под желтую ленту и подошел к берегу реки.

Здесь быстрому течению преграждали путь груды камней. Поток, вопреки ожиданиям Ньемана, не бурлил, не брызгал пеной, а лениво растекался небольшим прозрачным озерком, гладь которого была светла и безмятежна. Чуть дальше река сворачивала направо и, вероятно, текла через город — его сероватый силуэт уже вставал впереди в ложе долины. И тут Ньеман резко остановился. Он увидел слева от себя человека, сидевшего на корточках у берега. Комиссар инстинктивно схватился за кобуру. Но при этом у него на поясе звякнули наручники. Человек обернулся и с улыбкой взглянул на полицейского.

— Что вы здесь делаете? — грубо спросил Ньеман.

Незнакомец молчал; он снова улыбнулся и встал, отряхивая руки. Это был молодой человек с нежным лицом и светлыми тонкими, как пух, волосами. Замшевая куртка, брюки с защипками. Наконец он звонко ответил вопросом на вопрос:

— А вы?

Эта наглая реплика обескуражила Ньемана. Он ворчливо объявил:

— Полиция. Вы что, не видели ограждения? Надеюсь, у вас есть веские причины находиться тут, иначе...

— Я Эрик Жуано, из уголовной полиции Гренобля. Пришел на разведку. Трое наших должны подъехать сюда днем.

Ньеман шагнул вперед и остановился рядом с инспектором на правом берегу потока.

— А где жандармы? — спросил он.

— Я дал им полчаса, чтобы перекусили. — Он беззаботно пожал плечами. — Мне нужно было тут поработать спокойно, без свидетелей... комиссар Ньеман.

Седой полицейский удивленно моргнул. Молодой человек продолжал, все так же уверенно:

— Я вас сразу узнал. Пьер Ньеман. Бывший прославленный шеф РЕЙДА. Бывший комиссар уголовных бригад. Бывший охотник за убийцами и наркодилерами. В общем, целая куча бывших титулов...

— А что, наглость теперь входит в программу подготовки инспекторов?

Жуано насмешливо поклонился:

— Извините, комиссар. Я просто пытаюсь смахнуть позолоту со статуи кумира. Вам же известно, что вы кумир, суперсыщик, свято чтимый всеми молодыми инспекторами Франции. Вы прибыли сюда из-за этого убийства?

— А ты как думаешь?

Юный полицейский снова отвесил поклон:

— Для меня будет великой честью работать бок о бок с вами.

Ньеман смотрел на зеркальную поверхность спокойного озера у своих ног; утренний свет пронизывал воду до самого дна, откуда шло легкое зеленоватое мерцание.

— Расскажи, что ты знаешь об этом деле.

Жуано поднял глаза к возвышавшейся над ними отвесной скале.

— Тело нашли вон там, наверху.

— Наверху? — удивленно переспросил Ньеман, вглядываясь в зазубрины опасных уступов, которые отбрасывали вниз резкие черные тени.

— Да. На высоте пятнадцати метров. Убийца засунул его в расселину, придав ему странную позу.

— Какую позу?

Жуано слегка присел, опустил голову и обхватил руками торс:

— Вот такую. Позу эмбриона.

— Неслабо!

— В этом деле все неслабо.

— Мне говорили о ранах и ожогах, — продолжал Ньеман.

— Труп я еще не видел. Но кажется, на нем и правда множественные следы пыток.

— Жертва скончалась в результате этих пыток?

— Это еще не установлено. На горле имеются глубокие борозды — похоже на удушение.

Ньеман снова взглянул на светлое озерко. Он увидел в нем свое отражение, четкое, как в зеркале: короткая стрижка, синий плащ.

— Ну а что ты здесь нашел?

— Да ничего. Вот уже битый час ищу хоть какую-нибудь зацепку — и ровно ничего. Я так думаю, что жертву убили не в этом месте. Просто убийца привез ее сюда и запихнул между камнями.

— Ты поднимался наверх?

— Да. Там тоже ничего нет. Убийца, судя по всему, взобрался на скалу с другой стороны и спустил сюда тело на веревке. Потом спустился сам по другой веревке и за-сунул свою жертву в эту дыру. Ему нужно было сильно потрудиться, чтобы придать ей такую картинную позу. Совершенно непостижимо!

Ньеман опять взглянул на каменную стену, щетинившуюся острыми пиками, изборозжденную глубокими трещинами. Со своего места он не мог точно определить расстояние, но ему казалось, что расселина, где обнаружили тело, находилась на равной высоте что от подножия, что от вершины скалы. Он резко повернулся:

— Поехали.

— Куда?

— В больницу. Я хочу взглянуть на труп.

Обнаженное тело, прикрытое до плеч простыней, лежало боком на блестящем столе. Человек свернулся комочком, словно прятался от удара молнии. Голова была втянута в приподнятые плечи, руки сжаты в кулаки, колени согнуты и подтянуты к подбородку. Синевато-бледная кожа, судорожно напрягшиеся мышцы, истерзанная ранами плоть — все это придавало трупу особенно реальный и оттого невыносимо страшный вид. Шея была исполосована ножом, как будто жертве пытались перерезать горло.

На висках вздулись синие вены, — казалось, они вот-вот лопнут.

Ньеман поднял глаза на собравшихся в морге людей. Здесь были следователь Бернар Терпант — высокий, худой, со щеточкой седеющих усов, шеф жандармской бригады Гернона капитан Роже Барн — грузный, медлительный колосс, и капитан Рене Вермон, откомандированный разыскным отделением жандармерии, — маленький невзрачный человечек с красным лицом и сверлящими глазками. Жуано скромно стоял позади с видом усердного стажера.

— Личность установили? — спросил Ньеман, ни к кому конкретно не обращаясь.

Барн по-военному четко шагнул вперед и откашлялся, прежде чем ответить:

— Убитого звали Реми Кайлуа, господин комиссар. Возраст — двадцать пять лет. Последние три года работал в должности старшего библиотекаря в университете Гернона. Тело убитого было опознано сегодня утром его женой Софи Кайлуа.

— Она заявляла о его исчезновении?

— Да, вчера, в воскресенье, к вечеру. По ее словам, муж ушел накануне в горы, на прогулку к пику Мюре. Один, как всегда по выходным. Иногда он ночевал в высокогорном приюте. Вот почему она не сразу подняла тревогу. До вчерашнего вечера ей...

Барн умолк: Ньеман обнажил труп до пояса.

Внезапный ужас отдался беззвучным криком в груди каждого из присутствующих. Весь торс жертвы был испещрен темными ранами всевозможных форм и видов. Разрезы с лиловыми краями, синевато-багровые ожоги, черные расплывчатые синяки. На запястьях и предплечьях виднелись неглубокие рубцы, как будто человека связывали проволокой или жестким канатом.

— Кто обнаружил тело?

— Одна молодая женщина... — Барн заглянул в свое dossier. — Фанни Ферейра, преподаватель университета.

— Каким образом она его нашла?

Барн снова откашлялся.

— Она спортсменка, занимается рафтингом на горных реках. Ну знаете, это когда сплавляются в лодке по течению в специальном гидрокостюме и ластах. Это очень опасный вид спорта и...

— И что?

— Она остановилась перед естественной плотиной, там, где русло перегорожено камнями, у подножия хребта, окружающего университетский городок. Взявшись за эти камни, она и заметила труп в углублении.

— Это она вам так сказала?

Барн неуверенно оглянулся:

— Ну да... конечно...

Комиссар целиком обнажил тело и обошел вокруг стола, внимательно разглядывая бледное скрюченное существо с коротко, почти наголо остриженными волосами на черепе странной остроконечной формы.

Потом он взял протянутое Барном медицинское заключение о смерти и бегло просмотрел отпечатанные на машинке листки. Документ был составлен главным врачом. Врач не мог точно определить время наступления смерти. Он ограничился описанием внешних ран и констатацией смерти от удушения. Для более подробного анализа следовало разогнуть труп и сделать вскрытие.

— Когда придет патологоанатом?

— Его ждут с минуты на минуту.

Комиссар подошел к умершему, нагнулся, пристально взгляделся в его черты. Молодое, пожалуй, даже красивое лицо с закрытыми глазами не носило никаких следов побоев или увечий.

— Никто не притрагивался к его лицу?

— Нет, комиссар.

— Глаза у него были закрыты?

Барн кивнул. Ньеман осторожно, двумя пальцами, слегка приподнял веко жертвы. И тут произошло немыслимое: из правого глаза медленно вытекла большая прозрачная слеза. Комиссар испуганно вздрогнул: мертвец плакал.

Ньеман бросил взгляд на окружающих, но никто из них не заметил этой ужасной подробности. Овладев собой и стараясь не привлекать к себе внимания, он снова приподнял веки мертвеца, и увиденное доказало ему, что он не сошел с ума, что это не померещилось, что это убийство было тем самым делом, которого любой сыщик или боится, или ждет, в зависимости от характера, всю свою жизнь. Выпрямившись, он резким движением накрыл тело. И сдавленным голосом попросил:

— Расскажите о планах расследования.

Бернар Терпант встал и заговорил:

— Господа, вы все понимаете, что это дело может оказаться трудным и... крайне необычным. Вот почему мы с прокурором решили объединить усилия местной полиции и национальной жандармерии. Я также пригласил старшего комиссара Пьера Ньемана, который прибыл сюда из Парижа. Вам, без сомнения, известно это имя. В настоящее время комиссар принадлежит к высшей инстанции БПН — столичных бригад полиции нравов. Мы еще ничего не знаем о побудительных мотивах данного убийства, но, вполне вероятно, речь идет о преступлении на сексуальной почве. В любом случае это дело рук маньяка. И опыт господина Ньемана будет для нас бесценным. Из этих соображений я предлагаю поручить комиссару руководство расследованием.

Барн коротко кивнул, Вермон последовал его примеру, но с гораздо меньшим энтузиазмом. Что касается Жуано, тот ответил:

— Лично я согласен. Но сюда должны прибыть мои коллеги из региональной полиции, и...

— Я им все объясню, — отрезал Терпант и повернулся к Ньеману. — Мы вас слушаем, комиссар.

Напыщенный тон Терпанта действовал Ньеману на нервы. Ему хотелось поскорее выйти отсюда и взяться за дело — одному.

— Капитан Барн, — спросил он, — сколько у вас людей?

— Восемь... Нет, извините, девять.

Гранже Ж.-К.

Г 77 Багровые реки : роман / Жан-Кристоф Гранже ; пер. с фр. И. Волевич. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2019. — 352 с. — (Звезды мирового детектива).

ISBN 978-5-389-06868-1

В Герноне, маленьком городке во Французских Альпах, убит университетский библиотекарь. Убит не просто, но с особой жестокостью. Кому могло прийти в голову расправиться с этим человеком? Местная полиция не в силах установить истину, и в помощь ей из столицы прибывает полицейский комиссар Ньман.

В то же самое время в Сарзаке, другом провинциальном городке Франции, в один и тот же день происходят два странных события: совершено ограбление в школьном архиве и взломан кладбищенский склеп, где покоится тело десятилетнего Жюда Итэро.

Связь этих преступлений неуловима, но чем ближе детективы к разгадке, чем страшнее и кровавее жертвы, оставляемые таинственными преступниками, тем четче прослеживается зависимость между драмой в горном университете и темными происшествиями в Сарзаке.

По роману в 2000 году был поставлен знаменитый фильм, главные роли в котором блистательно сыграли Жан Рено и Венсан Кассель.

УДК 821.133.1
ББК 84(4Фра)-44

Литературно-художественное издание

ЖАН-КРИСТОФ ГРАНЖЕ
БАГРОВЫЕ РЕКИ

Ответственный редактор Александр Етоев
Художественный редактор Илья Кучма
Технический редактор Татьяна Раткевич
Компьютерная верстка Светланы Шведовой
Корректор Анна Быстрова
Главный редактор Александр Жикаренцев

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

18+

Подписано в печать 02.08.2019.
Формат издания 75 × 100 ¹/₃₂. Печать офсетная.
Тираж 2000 экз. Усл. печ. л. 15,51.
Заказ № .

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1

Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А

ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».

170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

H-MBD-14850-07-R